

МАРИНА
ЭЛЬДЕНБЕРТ

Родители
особенной
девочки

18+

Марина Эльденберт

Родители особенной девочки

«Автор»

2026

Эльденберт М.

Родители особенной девочки / М. Эльденберт — «Автор», 2026

БОНУС к серии "Ледяное сердце Ферверна". История о том, насколько особенная девочка родилась у Торна и Лауры. ВАЖНО: В истории есть спойлеры к романам Парящая для дракона и Черное пламя Раграна.

© Эльденберт М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Особенность первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Родители особенной девочки

Особенность первая

Лаура Ландерстерж

Мне казалось, что в моем мире не осталось места неопределенности, но именно так я себя почувствовала, когда несколько месяцев назад на осмотре Арден сказал:

— Это очень странно...

Странно — что именно? Я не задала этот вопрос, потому что он настолько напряженно вглядывался в монитор, что мне стало не по себе. Ятта задумчиво сосала палец, ее очень интересовали диаграммы, которые Арден смахивал одну за другой, а я все-таки произнесла:

— Арден!

— Показатели пламени. — Мужчина повернулся ко мне, перевел взгляд на мою дочь. — Не так давно мы с вами опасались, что они станут критическими, но...

Мы действительно этого опасались. Наша дочь изначально родилась с сильным пламенем благодаря мне и благодаря Торну, и показатели неизменно росли, именно поэтому мы стандартно раз в два-три месяца возили Лыдинку на обследования. Которые она очень не любила: если датчики — это было забавно и щекотно, то, когда у нее брали кровь, Ятта начинала кричать так, что у меня сердце разрывалось. Хотя, разумеется, кровь у нее брали лучшие специалисты, умеющие обращаться с детьми, но, видимо, не с самой сильной ирлханенкой нашего времени. Пару раз она даже чуть не подпалила врачей, после чего ее обследованиями занимался исключительно Арден, а в кабинете обязательно присутствовала я. Торн почему-то такого успокаивающего действия не оказывал, скорее, наоборот.

Кто бы мог подумать, что Торн, которого считали самым жестким правителем нашего времени, будет таким мягким со своей дочерью. Честно говоря, было несколько моментов, когда мне казалось, что он сам готов подпалить врачей, смеющих тыкать в его малышку иглами.

Ятта была неприкосновенна. А уж когда он брал ее на руки или целовал ее пальчики, макушку или щеки, мне казалось, что в Ферверне вот-вот наступит глобальное потепление. И да, я совсем не ревновала. Вот ни капельки!

— Но? — уточнила я у Ардена, который продолжал изучать мониторы.

— Помнишь, в прошлый раз я говорил, что уровень пламени Ятты стабилизировался?

— Да.

— Так вот, Лаура, сейчас он понизился.

— Это плохо?

Учитывая, что в прошлый раз он нам заявил, что если пламя дочери и дальше будет расти такими темпами, мы к пяти годам получим девочку с силой Торна, то поводов для волнения было немало. Именно поэтому сейчас мне показалось, что такая особенность — хороший знак, но судя по сдвинутым бровям Ардена, он так не считал.

— Понимаешь, Лаура, стабильно возрастающий уровень пламени — это норма для любого ирлхана.

— Даже для маленького ребенка?

— По детям у нас недостаточно данных. Ты же знаешь, что раньше пламя просыпалось ближе к совершеннолетию.

У меня ото всего этого просто голова пухла.

— Арден, просто скажи, что с моей дочерью, и почему у тебя такое лицо?

— Это очень необычная динамика, Лаура. Я бы хотел ее понаблюдать. Приеду к вам через неделю.

Через неделю?

— Ятта явно не будет счастлива новому обследованию через неделю, — улыбнулась я, подхватывая дочь на руки.

— Не буду! — подтвердила дочь, которая в два года уже отлично разговаривала и отлично понимала смысл слова «обследование».

— Мне нужно проверить свои предположения.

Предположения он проверил ровно через неделю. Потом — еще через две. И еще через три. В итоге через полтора месяца мы с Торном имели полное представление о том, что сила пламени нашей дочери стремительно падает. Если раньше мы опасались пятилетней неуправляемой девочки, равной по силе отцу, то сейчас...

Если все продолжится в том же ключе, то через несколько месяцев в Ятте совсем не останется пламени.

Торнгер Ландерстерг

Чаще всего мне не нужно было спрашивать мою жену, о чем она думает. Чаще всего. Но не сегодня. Сейчас Лаура почти полностью от меня закрылась, и это могло означать только одно: она расстроена. Сильно. Не хочет этого показывать. Очень волнуется, и думает — все-рьез, что сумеет скрыть это от меня.

— Лаура, — я коснулся ее волос, которые подогревали мягкие блики огня. Она вздрогнула и невольно перевела взгляд на меня, оторвавшись от созерцания уютного, облизывающего камин, пламени.

— Да? — жена постаралась улыбнуться так, чтобы я ничего не заподозрил.

Увы. Я изучил ее так хорошо, что даже когда она отгораживалась настолько — закрываясь эмоционально и мысленно, я умел различать ее улыбки. Вот эта, например, когда уголки губ едва приподняты, а глаза остаются такими же, какими были, совсем не веселая. Поэтому я притянул ее к себе, пропуская пряди волос сквозь пальцы.

Наше с ней время в загородной резиденции, эти уютные выходные давно стали традицией. Разумеется, это не отменяло того, что меня могли выдернуть в любой момент, но это было неважно. Важным было то, что мы с ней проводим время вместе. Что днем выбираемся на прогулки, когда Ятта и Эрвер счастливо валяют друг друга в снегу или пытаются украдкой от меня подобраться к бассейну. Хотя знают, что это строго-настрого запрещено, но у меня ощущение, что Ятта просто проверяет меня на прочность.

И еще у меня ощущение, что она уже давно поняла, что ей я не могу отказать. Не умею ее ругать. Никогда не буду с ней жестким.

Дочь доверяет мне безоговорочно, но к бассейну все равно лезет. Воспитательница в этот момент включается у Лауры, на глазах у которой Ятта однажды чуть не кувыркнулась в бассейн, а после воспитательных процедур Лыдинка бежит ко мне жаловаться. Правда, безуспешно: я никогда ее не ругаю, но сторону Лауры принимаю безоговорочно. Понемногу она привыкает, что мамин авторитет ничуть не меньше папиного, хотя еще пытается нас испытывать.

Что касается Эрвера, он совсем не такой. Рядом с Яттой он преображается, становится обычным заводным ребенком, но без нее может часами сидеть и складывать кубики-гологаммы, собирать с няней слова, слушать, что она ему читает. Все шалости в нашем доме начинает дочь, а Эрвер их просто поддерживает. Они с Яттой неразлучны, и, глядя на них, время-нами я начинаю думать, что они связаны, как близнецы.

Хотя это, разумеется, исключено.

— Что не так? — мягко отвожу пряди волос от ее лица, заключаю его в ладони.

— Нет, ничего... — начинает было Лаура, но потом вздыхает. — Я переживаю. Из-за пламени. Из-за того, что происходит с Яттой. Мне кажется, что все это из-за меня. Из-за того, что делали с моей матерью, из-за того, какая я... Торн, я не хочу, чтобы наша девочка лишилась пламени из-за меня!

Ее отчаянием ударяет настолько сильно, что, кажется, слезы на глаза наворачиваются именно у меня. Лаура пытается спрятать лицо, но ей это не удается. Я не позволяю, удерживая его в ладонях, говорю:

— С чего такое вообще пришло тебе в голову?

— А почему не должно было? На маме ставили эксперименты, я — вообще неопознанный зверек, в котором собралось все, что можно, и все, что нельзя... думаешь, это не сказывается? Я не вижу причин, почему еще сила Ятты становится меньше. Я не представляю...

— Черное пламя, — говорю я.

Лаура кладет ладони поверх моих, медленно освобождается.

— Твоя дочь родилась с самым неизученным пламенем мира в крови. Об этом ты не подумала?

— Глубоководные — сильнейшие драконы нашего мира! — восклицает она. — Я не вижу причин, по которой ее пламя должно становиться меньше... Когда оно росло, я очень волновалась, но это хотя бы было логично, а сейчас...

— Мы слишком мало знаем о черном пламени, чтобы быть уверенными хотя бы в чем-то.

— Не думаю, что это связано с черным пламенем. Скорее, с экспериментом над ними. С обычным черным пламенем все просто, — упрямится моя жена. Да, если Лаура вбила себе в голову что-то, переубедить ее очень сложно. Возможно, именно поэтому я говорю то, о чем вообще не собирался ей рассказывать:

— Если бы с черным пламенем, как ты его называешь, обычным, все было просто, вряд ли Вайдхэн искал бы ответы на свои вопросы в Ферверне.

Лаура Ландерстерг

Мысль о том, что Торн встречался с Беном, на миг выбила из размышлений о Льдинке. Так резко, что я даже не сразу ответила, а когда ответила, мой голос слегка дрогнул:

— Почему ты молчал?! Почему не сказал мне?

— Не хотел тебя расстраивать. — Торн смотрел на меня, так невыносимо близко, что все мысли просто казались лишними. — Не хотел напоминать обо всем этом. К тому же, тогда начались первые исследования Ардена по поводу пламени Ятты... Не думаю, что тебе было до этого.

Я приподняла брови:

— Или ты просто не хотел говорить о нем?

Взгляд Торна на миг стал жестким. Да, я очень хорошо помнила дни, когда он был таким, именно таким, как сейчас.

— А у меня есть причины не говорить о нем, Лаура?

Я глубоко вздохнула. Вот ведь... драконополитик.

— Нет. Причин у тебя нет, и именно поэтому я интересуюсь, почему не сказал.

— Я ответил почему, Лаура. Вы с ним расстались не лучшим образом, и, насколько я знаю, не помирились.

— Да, но это... это же касается нашей дочери, Торн! Мы с тобой... у нас нет друг от друга секретов.

— Нет. Но я не сообщаю тебе незначительные детали, которые никак не могут повлиять на ход событий.

— Незначительные? У него первородное черное пламя, такое, какого ни у кого в мире нет! Если кто-то и знает о нем хоть что-то, то это он.

— Если бы он знал о нем хоть что-то, чего не знаем мы, в Ферверне его бы не было. У меня ощущение, что его тошнит от мысли о том, что приходится дышать одним воздухом со мной.

Я покачала головой. Обхватила себя руками и поднялась. Отошла к окнам, за которыми раскинулся парк. В голове все перемешалось, но сейчас я отчаянно разозлилась на Торна. За то, что не сказал — он прекрасно знал, что Бен для меня не незначительная деталь, а целый пласт прошлого. Пусть даже короткий, но настолько серьезный, насколько это возможно. Да, мы поставили точку в нашем с ним общении, но... но если бы он стал ключом к тому, что происходит с Яттой...

За окном кружились снежинки, налипая на раму и помогая раскрашивать ее кистям морозного узора. Густая синева зимнего вечера опустилась на пустоши, и наша резиденция оставалась единственным островком огоньков. От фонарей струился свет, в нем даже снег по ощущениям становился мягче и теплее. Почему-то вспомнился зимний праздничный вечер, когда резиденция была полна гостей. Это было всего неделю назад, но по ощущениям — целую вечность.

Официанты, разносящие по залу бокалы с веоланским, живая музыка, выступление приглашенных певцов, смех гостей. Мама и папа наконец-то общались нормально, а не в пределах вежливой учтивости, когда мы собирались все вместе, брат с женой тоже ждали малыша, что же касается Рин и Сэфла, с ними все было сложно. Мы так и не вернулись к тому, от чего ушли, и уже вряд ли вернемся. Их даже не было среди гостей, а по моим ощущениям я с Танни Гранхарсен общалась чаще, чем с бывшей лучшей подругой.

Да даже не по ощущениям. Мы с ней созванивались пару раз в неделю точно, а весной договорились вместе отдохнуть в Зингсприде, в Шеррамел Стар. Именно там, где мы познакомились, где меня и тогда еще нашу с Торном не родившуюся малышку спас их сын Вэйд. Правда, теперь, когда непонятно что с Яттой, поездку придется отложить.

К сожалению, и Танни с мужем среди гостей не было. Торн терпеть не мог Джермана Гранхарсена. Взаимно.

— Лаура, — руки мужа легли на мои плечи, — я правда не считал, что это то, о чем стоит рассказывать. Вайдхэн приезжал, чтобы узнать об особенностях глубоководных, но никакой конкретики он мне не сообщил. Ты же знаешь его манеру общаться: два слова вслух, абзац в уме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.